
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ В НОВОЙ КАРТИНЕ РЕАЛЬНОСТИ

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик Международной кадровой академии, главный редактор журнала «Социальная экономика»

О будущем «мэйнстриме» замолвили слово

*Только со смертью догмы начинается наука
Галилео Галилей*

*Солью будущего является именно то, о чем эксперты
полагают, что оно вовсе невозможно
Станислав Лем*

*Если нет уважения к человеческой жизни, то
знания ведут к разрушению и нищете
Джидду Кришнамурти*

Осознание того, что навязываемый отечественной экономической науке мэйнстрим, сердцевиной которого выступает неolibеральная теория, терпит сокрушительный крах, требует усиленной разработки новых методологических основ анализа реальности. Сегодняшний «мэйнстрим» не способен решить ни одной острой современной хозяйственной проблемы ни на национальном, ни на глобальном уровне, поэтому среди исследователей, задумывающихся над нынешней ситуацией, которая закладывает основы будущего (небытия?) человечества, ширится стремление выйти за его рамки и по-новому осмыслить то, что происходит в хозяйственной жизни.

Мэйнстрим не соответствует не только усложняющемуся социальному миру, но и не может объяснить тех качественных изменений, которые происходят в экономической сфере. Мэйнстрим ушел от осмысления реальности, с одной стороны, в область абстрактных размышлений, не имеющих ничего общего с хозяйственной жизнью; с другой – в сферу поверхностной функционально-прикладной проблематики, весьма далекой от экономической теории как фундаментальной науки о хозяйственном развитии. «Решающим итоговым показателем неадекватности мэйнстрима ключевым характеристикам окружающей нас экономической действительности является то, что инструментальный формальный анализ рыночных отношений не подходит к решению задач, в которых значимую роль играют качественные составляющие человеческой деятельности в современном ее понимании. Это значит, что он беспомощен при анализе творческого труда и созидательного потенциала человека, природы инновационных потребностей, определяющих его поведение в условиях динамичного, то есть преобразующего, производства и образа жизни»¹. Более того, и здесь следует согласиться с академиком Н.Г. Чумаченком, «можно ли говорить о «рыночной экономике» в настоящий момент, если она похоронена 70 лет назад?»².

Мэйнстрим находится в стороне от понимания того, что сегодня определяющей сферой хозяйственной деятельности человека и всех других экономических субъектов уже стало **духовное производство**, которое исследовать инструментарием мэйнстрима практически

¹ Марцинкевич В. Экономический мэйнстрим и современное воспроизводство // МЭ и МО, 2003, № 2. – С. 39.

² Чумаченко Н.Г. Редакционной коллегии журнала «Экономическая теория» // Экономическая теория, 2003, № 4. – С. 84.

невозможно. Рассматривать человека как один из факторов производства наравне с другими – это значит оставаться на уровне 30-50-летней давности. Мало что в плане приращения знания о современной реальности дает и введение в научный оборот понятия «человеческий капитал» как функционального обозначения человеческого фактора производства прибыли. Необходима совершенно иная плоскость анализа и понимания, в которой экономическая теория является лишь одним из аспектов получения цельного знания о реальности, о человеке в мире (в хозяйстве) и о мире в человеке. Дальнейшее наращивание новых конкретных знаний должно рассматриваться лишь как момент получения *единого целостного знания*, помогающего человеку выжить и развиваться человеческому обществу.

В этой ситуации во весь рост стал вопрос о будущем самой экономической науки, о ее роли и значении в корпусе единого знания. Это, в свою очередь, ставит проблему определения тех приоритетов и ориентиров, которые должны утверждаться в экономических исследованиях.

В последнее время, подражая предвидению Т. Эггертссона о том, что когда-нибудь неинституциональный подход как расширение микроэкономической теории будет именоваться экономической теорией³, некоторые экономисты-профессора из стран б-Союза увидели в институционализме доселе незамечаемую превосходную панацею как от кризиса экономической науки, так и от тех острейших социально-экономических проблем, которые XX век оставил человеку в наследство. Так, предугадывая те доктрины, *«которые сейчас еще не стали «мэйнстримом», но станут им в ближайшие годы»*, «продвинутые» российские авторы заявляют, что *«наиболее перспективным направлением в современной экономической науке мы считаем институционализм»*⁴. Им вторят и некоторые украинские исследователи, видя в институциональной архитектонике острие мировой экономической науки⁵.

Поскольку наука развивается через критическое осмысление выдвинутых научных положений, то для пользы дела считаю правомерным высказать некоторые соображения в критическом плане относительно этих заявлений.

Сегодня на постсоветском научном пространстве стало весьма модным именовать себя институционалистом, а все и вся в экономической науке называть институтами, видя (без должных на то оснований) в институционализме «волшебное лекарство» от всех бед и напастей.

В связи с этим, во-первых, хочу призвать сообщество экономистов-исследователей и преподавателей очень бережно относиться к понятию «институт», не цеплять ярлык «институциональный» там, где без него вполне можно обойтись. В большинстве

³ Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М., 2001. – С. 15.

⁴ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. д. э. н., проф. Р.М. Нуреева. В 3-х ч. Часть третья. Государство в современной России. – М., 2003. – С. 268.

⁵ «Шлях до нової, більш загальної економічної теорії лежить через інституціоналізм, точніше, через інституційну архітектоніку економічної системи. Тобто, я хочу сказати, що ми з цією темою (“Інституційна архітектоніка і динаміка економічних перетворень” – Г.З.) опинилися на вістрі світових тенденцій в економічній науці”, – стверджує А.А. Гриценко (Активізація теоретичних досліджень. Про інституціональну архітектоніку як новий науковий напрямок // Економіка і прогнозування, 2003, № 2. – С. 132).

Здесь же уместно вспомнить, что в начале XX века уже была дискуссия о значении архитектоники в научных исследованиях и был сделан вывод о том «наука не хочет и не может быть полем архитектонической игры. Систематика, которая подобает науке, конечно, подлинной и правильной науке, не изобретается нами, она заключена в самих вещах, где мы ее просто обнаруживаем, открываем» (Ойкен В. Основы национальной экономики. – М., 1996. – С. 291).

Весьма интересную мысль, которую необходимо переосмыслить в связи с рассматриваемым аспектом, высказал А. де Сент-Экзюпери: «Ты можешь все изменить. На бесплодной равнине вырастить кедровый лес. Но важно, чтобы ты не конструировал кедры, а сажал их семена».

современных публикаций, якобы посвященных развитию институциональной теории, наблюдается не глубинное научное исследование, а всего лишь замена вывески на том, что уже наработано обществоведческой, в том числе экономической наукой. Реального прироста новых знаний при этом не происходит, но главное для автора – чтобы звучало модно.

Во-вторых, возросли попытки трактовать институты как некое божество, которое имеет магическую силу и неизменно решит все экономические и социальные проблемы. Объявление институционализма как очередного мэйнстрима мало способствует развитию фундаментальной экономической науки, но формирует *новую догму* в экономической теории.

Эти два момента не следует трактовать как призыв отказаться от разработки институциональной теории. Но их недоучет неизменно порождает схоластические исследования и публикации, уводит науку от осмысления острейших современных проблем развития человека и общества.

Институты есть следствие сознательного и бессознательного. С одной стороны, они упорядочивают жизнедеятельность человека, определяют коридор свободы его действий, служат некими запретами для социально-отрицательной, общественно-разрушительной деятельности. В этом состоит их относительно положительная роль и значение в социуме.

С другой стороны, нельзя никогда забывать о том, что институты – нечто внешнее для отдельного человека, навязываемое ему извне, служащее сужению границ выбора и препятствующее самопознанию, самореализации и творчеству. В этой связи, как представляется, мы должны глубоко осмыслить высказывание двух великих русских мыслителей – Н. Бердяева и П. Флоренского. Н. Бердяев писал, что «в принципе *laissez faire* (свобода действий по-французски), столь ложном в экономической жизни, есть доля правды для нравственной и духовной жизни человека. Нужно дать человеку возможность обнаружить его творческую энергию и творческие дары, не задавливать его внешними предписаниями и не опутывать его жизнь неисчислимым количеством норм и табу. Неверно думать, что культ Творчества есть культ новизны и будущего. Подлинное творчество обращено не к старому и не к новому, а к вечному. Но творческий акт, обращенный к вечному, может иметь своим результатом и продуктом новое, то есть проецированное во времени. Творчество может дать блаженство, счастье. Но это лишь последствия. Никогда блаженство, счастье не является целью творчества, и творчество знает свои муки и страдания... Этика творчества есть этика борьбы и созерцания, этика любви в борьбе и созерцании... Это есть этика восхождения и нисхождения человека»⁶.

П. Флоренский указывал, что «закон накладывается на мой ум, как стальное ярмо, как гнет и оковы. Исключения из законов, разрывы закономерности были моим умственным стимулом. Если наука борется с явлениями, покоряя их закону, то я втайне боролся с законами, бунтуя против них действительные явления. Закономерность была врагом моим; узнав о каком-либо законе природы, я только успокаивался, когда отыскивалось и исключение из этого закона»⁷.

Не говорят ли эти высказывания о том, что институт и закон – это сдерживающие оковы, принятые автоматически сознанием нетворческого большинства, приверженного в лучшем случае логике инверсии, но отнюдь не медиации; стагнации, но не творчеству; механизму мемесиса (подражания), но не инновации?

Современное понимание институтов базируется, как, впрочем, и наше традиционное мировоззрение, на западной материалистической парадигме, в рамках которой практически нельзя ни объяснить современную реальность, ни найти пути реализации важнейшего для человека и человечества императива эпохи глобализации – императива выживания.

Ориентация на внешнее, в своем подавляющем большинстве материальное, как показывает практический опыт, способна на определенное время создать комфорт и, как

⁶ Бердяев Н.А. Творчество и объективация. – Минск, 2000. – С. 67.

⁷ Флоренский П.А. Мнимость в геометрии. – М., 1991. – С. 126.

многим иллюзорно кажется, достичь счастья. Однако материальное благополучие и материальный комфорт – не цель и не смысл жизни человека. Они находятся в совершенно иной плоскости и выдавать за цель и смысл жизни только лишь средство для их достижения и обеспечения – грубейшая ошибка, иллюзия, которая заводит человека в тупик, в еще более дискомфортное состояние.

И здесь никакие искусственно созданные институты не в состоянии, не в силах помочь человеку, ибо суррогаты не могут заменить духовные ценности, которые «обитают» и «воспроизводятся» не в материальном, внешнем для человека мире. В этом плане хотелось бы напомнить предостережение, высказанное Арнолдом Дж. Тойнби, о том, что «идолоизация институтов – непростительная интеллектуальная и духовная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе»⁸, ибо «человек находится не в ситуации абсурдного мира (как это экзистенциалисты иногда описывают), а в более ужасной ситуации, из которой вырастают все другие частные ужасы. Я назову этот ужас ужасом конкретности. Ужас бытия человеческого состоит в том, что ничто существенное не вытекает ни из каких правил, ни из каких законов, но оно должно быть конкретно, вот здесь установлено и понято... Ничья жизнь не есть частный случай каких-то правил»⁹.

Сказанное говорит о том, что нельзя институциональную теорию возводить в ранг абсолюта, а ратования профессоров за институционализм как новый будущий мейнстрим считать обоснованными и корректными.

Да, институциональная теория – занимательная штука, но она всего лишь одно из средств, способов отражения, познания реальности. Она не может и никогда не сможет дать целостной картины реальности (а в этом главная задача науки!). Но объяснить какие-то моменты, в основном поверхностные и единичные явления, особенно нетипичные, на что в последнее время и направляются усилия институционалистов, она с определенными допущениями может.

Здесь важно, на мой взгляд, указать на три обстоятельства.

Во-первых, нельзя на основе категории «транзакционные издержки» создать *цельную* теорию экономической, а тем более хозяйственной системы. Эти издержки обслуживают только *единичный* акт обмена и производства. В другом акте уже изменены и условия, и субъекты, и многое другое, особенно в век бурного роста информационных технологий.

Во-вторых, когда читаешь научные статьи по проблеме институтов, то невольно складывается устойчивое впечатление, что институционализм, или, по крайней мере, авторы, причисляющие себя к сообществу современных институционалистов, исследуют то, что интересно им в данный момент времени и не имеет широкого общественного контекста. Это еще раз доказывает, что институционализм почти всецело находится в зоне «информационного облака» (М. Делягин), которое почти не связано с реальностью.

Объектом анализа здесь весьма часто выступают пустые абстракции, надуманные, не имеющие реального практического значения ситуации, а сам анализ проводится как очередное логическое упражнение с целью, которой четко не знает и сам его автор.

В-третьих, современный отечественный институционализм во многом есть *подражательная* «научная» технология, которая пытается одеть «институциональные одежды» на хорошо исследованные и весьма глубоко и всесторонне описанные наукой факты и феномены. В результате происходит не наращивание нового знания, а упование (и даже гордость!) новыми ярлыками, которые лишь весьма бледно и односторонне отражают глубоко исследованные другими науками феномены.

Изучение классических работ, к примеру, А.Дж. Тойнби, Л. Ларуша, Э. Тоффлера, Д. Белла и других, дают намного больше пытливого уму, нежели, так называемая, «институциональная теория экономической истории», которая входит в моду.

Институционалистов интересует не сам человек, не целостность его жизнедеятельности в экономике и хозяйстве, а нечто *чисто техническое*, каковым в современном

⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. – М., 2003. – С. 551.

⁹ Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. – СПб., 2000. – С. 148.

обществоведении стали сами институты. За институтами *не стало видно человека*. Он опять в который раз превращен в средство, над которым господствует неодоушевленный институт. Объектом анализа становится всего лишь **представление** о месте человека в системе институтов. Целью же является отвлечение, погружение сознания человека в некую искусственно созданную, оторванную от реальной жизни плоскость, где господствуют институты, транзакционные издержки, отдельные, вырванные из целостной реальности, моменты, схемы кривых, совершенно не связанные с действительной деятельностью человека, его целостной жизнью.

Логические упражнения в определенном аспекте, определенной ситуации необходимы, но «человек, мыслящий исключительно логично, не является человеком думающим, поскольку он всего лишь приспособливается к определенному образцу, повторяя вновь и вновь чужие и далеко не новые фразы и мысли. Невозможно понять свою жизнь абстрактно или теоретически»¹⁰.

Институты – это не реальная жизнь, а символы. Посредством институциональной теории происходит замена реальности символами, человека реального человеком институциональным. Это еще в большей мере способствует утверждению «информационного облака», поглощающего человека и отрывающего его от реальной жизни и реальных проблем. В этом плане институционализм становится, во-первых, мощнейшим средством манипуляции сознания, а, во-вторых, уводит от практического решения действительных проблем и обеспечивает символический комфорт при реальном неблагополучии.

Но тем самым институционализм как провозглашенный новый мейнстрим вооружает студентов иллюзиями вместо познания реальности, а в последствии это проявляется в нарастающем и нескончаемом внутреннем конфликте, который обязательно проявляется во взаимоотношениях с другими людьми. Догматизм и ритуалы, закрепляемые институтами, становятся вполне реальной преградой творчеству и движению к истине.

Основной причиной сегодняшнего обожествления институционализма является неумное стремление к подражанию западному, которое все еще по наивности считается неким идеалом, достижение которого, якобы, способно решить наши реальные проблемы. Об этом писал еще в начале XX века С.Н. Булгаков: «Слишком наглядно все безобразие наших политических форм, слишком грубо оскорбляют они и глаз, и совесть, и человеческое достоинство, слишком стыдно нам, что мы их терпим. Мысль невольно устремляется туда, где уже нет этих форм, где жизнь складывается и развивается свободно. Все недочеты нашей жизни, которые сознаются совестью как таковые, но на устранение которых еще не хватало до сих пор общественных сил, все они возбуждают такое острое чувство стыда и неудовлетворенности, что простое отсутствие этих недочетов, идеал отрицательный, начинает казаться нам положительным. Таким образом, имея перед собой в качестве недостигнутого идеала внешние, политические, формы жизни Запада, мы невольно впадаем в идеализацию и всей этой жизни, которая складывается не под одним только этим влиянием, а и под тысячью других, нами неучитываемых. Тому же содействуют и неоспоримые положительные блага западной культуры, его наука, его искусство, его величественная история. Невольно начинает казаться, что эти цветы западной цивилизации составляют все дерево, что жизнь Запада состоит только из них. Оптический обман почти неизбежен... Но Запад не является уже для нас ни совершеннейшим, ни единственно возможным воплощением культуры»¹¹.

Прошло сто лет, а в своем понимании мы и ныне остаемся на том же уровне. Правда, за последние десятилетия Запад искусственно сделал очень многое для того, чтобы усилить свое влияние на наше сознание, в том числе и через навязывание и широкое распространение поверхностного и непрактичного экономикса и "нового идеала", преращающегося в новый догмат экономических верований - институционализм. Эта манипулятивная технология,

¹⁰ Кришнамурти Джидду. Образование и смысл жизни. – К., 2003. – С. 14.

¹¹ Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 119, 120.

спекулирующая словом «институт»¹², воспринимается в Украине «на ура», ибо не надо осуществлять научно строгой и глубокой осмыслительной деятельности, а всего лишь достаточно нечто обозвать институтом и за эту «новизну», расцениваемую ее автором как «неоценимый» вклад в развитие методологии экономической науки, получить такую вожделенную ученую степень. Бездумное и весьма широкое употребление слова «институт» создает в поле экономических исследований *множество шумов*, свидетельствующих об их *схоластическом* характере.

Последние работы в области институционализма критически переосмысливают поле его предмета. Это выражается в том, что наблюдается смещение акцента в анализе институциональной среды. Если ранее внимание сосредотачивалось на том, что «ключевым для институциональных изменений является непрерывное взаимодействие между институтами и организациями в экономической среде с ее редкостью и, следовательно, конкуренцией»¹³, т. е. акцент делался на «правилах игры», то в последнее время пришло осознание того, что институционалисты «не учли целенаправленные действия самих агентов для достижения каких-то целей, что в свою очередь ведет к изменению существующих ограничений»¹⁴.

Однако такой подход является лишь слабым выражением более глубинного понимания института «старыми» институционалистами. Т. Веблен рассматривал институт как «стереотип мысли». Об институтах он писал: «По своей природе они представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами. Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли о том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»¹⁵.

Стремление к примитивизму посредством объяснения малозначимого с точки зрения смысла жизни приводит к выхолащиванию этой сущностной характеристики института. В данном определении Т. Веблен не только опередил время, но и бросил вызов механико-материалистическому пониманию реальности. Поэтому, оставаясь в рамках традиционного мировоззрения, не совсем понятно, как можно связывать институт с мыслью, мыследеятельностью.

Гораздо проще наряду с человеком экономическим (*homo economicus* - *HE*) изобрести еще человека институционального (*homo institutions* - *HI*) и расписать его достоинства как частичного человека, успешно мотивирующегося с помощью институциональных изменений своего положения: присвоения званий, степеней, занятия более высоких должностных позиций, а также мер морального поощрения¹⁶, т. е. полностью подпадаемого под внешнее стимулирование и исповедующего внешние (иллюзорные) ценности успеха. При этом институциональный человек «стоит» еще дальше от истинно человеческой природы, чем человек экономический: институциональный человек живет в мире институтов, а экономический – в мире интересов. «В этих условиях упорядочение альтернатив – достаточно сложная задача для *HI*, поскольку его предпочтения не носят скалярный характер и с трудом допускают сопоставимую оценку. Если ценности *HI* сильно зависят от институциональной структуры общества и в значительной степени воспринимаются как экзогенные, то ценности *HE* формируются в основном им самим... Поскольку ценностная

¹² Зачастую совершенно непонятно, что изменяется в сути собственности, конкуренции, власти, зарплаты и всех других экономических явлений и категорий, если к ним, как теперь стало весьма модно, добавляется слово «институт»? Наукообразие при этом процветает, но без развития самой науки и нового приращения знания!

¹³ Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях // КБКЭ. – Минск, 2000. Вып. 4.

¹⁴ North D. The contribution of the new institutional economics an understanding of the transition problem // WIDER Annual Lectures, 1997. March.

¹⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 200-201.

¹⁶ См. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М., 2004. – С. 67.

система *НИ* определяется внешней институциональной структурой, основные принципы его поведения существенно зависят от экзогенной информации»¹⁷.

Тем самым подводится теоретическая основа необходимости формирования одномерного, зависящего от внешней институциональной структуры, институционального человека, которому можно насадить чужую волю и сделать существенный шаг в направлении формирования роботообразного, полностью манипулируемого человека. Здесь одна технология - традиционная идеология заменяется «новой», более модной - институционализмом, который во многом становится важнейшим инструментом в области манипуляции сознания.

Голый институционализм вырабатывает извращенные представления о реальности, он лишает человека внутренней полноты и духовности, ибо проповедует преувеличенное значение внешнего для человека. Никогда не следует забывать, что «цели человеческого творчества определяются свободой, заложенной в человеке»¹⁸.

Относительно роли институционализма весьма взвешенную позицию, на мой взгляд, занимают В.Д. Базилевич и А.О. Маслов. Они пишут, что **«институционализм именно сегодня претендует на роль «современной экономической теории»**, но парадокс этой ситуации состоит в том, что, с одной стороны, институционализм от Т. Веблена до Дж. Ходжсона никогда не имел и не имеет теоретической системы, а его содержательная основа – не экономическая, а социологическая. Но совсем не парадоксально, что институциональные (в понимании социологические) «построения» хотят занять место экономической теории. Это есть закономерным и логичным следствием появления свободной ниши, исторической эволюции экономической теории за последние более двести лет, которое много в чем привел ее сегодня в тупик. Проблема исторической эволюции экономической теории состоит в том, что в своем развитии она постепенно отходила от экономической деятельности как объекта своего анализа, связывая себя с очень неопределенной, «размытой» сферой при открытом сегодняшнем заявлении об «отказе» от своего собственного объекта. Экономическая теория, от науки, которая изучает экономические отношения людей в сфере производственной деятельности исторически перешла к «поведенческой исследовательской программе», ибо – как иногда говорят -- преобразовалась в «теорию принятия решений»¹⁹. Они присоединяются к мнению Дж. Ходжсона, согласно которому, «необходимо не столько развивать институционализм как таковой, сколько синтезировать определенные элементы институционального, марксистского и посткейнсианского анализа»²⁰. Такая перспектива развития как экономической теории вообще, так и институционализма непосредственно представляется более рациональной»²¹.

Институты – это искусственно созданное то, что призвано снижать степень неопределенности в обществе. Институты стали реальностью, но реальностью производной от реальности как неопределенности. В этой связи уместно заметить, что надо не просто бороться с неопределенностью реальности, создавая различные социальные институты, а более плодотворно исследовать эту неопределенность реальности, искать в ней то, что полезно развивать в интересах человека. И. Валлерстайн писал, что «мы были бы мудрее, если бы формировали наши цели в свете постоянной неопределенности и рассматривали эту

¹⁷ Там же. – С. 69.

¹⁸ Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 642.

¹⁹ Базилевич В.Д., Маслов А.О. Институціональна економічна теорія: історичний аспект // Інституційна архітектура та механізми економічного розвитку: Матеріали наукового симпозиуму. – Х., 2005. – С. 38.

²⁰ Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М., 1997. – С. 55.

²¹ Базилевич В.Д., Маслов А.О. Институціональна економічна теорія: історичний аспект // Інституційна архітектура та механізми економічного розвитку: Матеріали наукового симпозиуму. – Х., 2005. – С. 39.

неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, не как непреодолимое препятствие к познанию, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия возможностей сделать мир лучше»²².

Начальные шаги к новой картине реальности и роль в ней социальной экономики

*Разрабатывать новые пути можно, только
отринув ортодоксальную точку зрения; следовать
за устоявшимися воззрениями часто бывает полезно,
но на этой дороге новую точку зрения не найдешь*
Рей Утияма

*Для того, чтобы выжить и продолжить свое развитие,
не обрекая себя на вымирание, мы должны пересмотреть
свои представления о вселенной, о человеке и
об идеях прогресса и развития*
Эрвин Ласло

*Нет ни одной науки, которая полностью
подчинялась бы концепции Ньютона*
Норберт Винер

Традиционным экономическим подходом считается тот, который ставит во главу угла материальную жизнь. Поэтому традиционная экономика как наука видит свой предмет в материально-технической стороне жизни человека и общества. Выделение этой стороны жизни было оправдано в русле той ньютоновской картины мира, которая господствовала в науке до начала XXI столетия. Экономическая наука стремилась подстроиться под естественные науки, хотя сама таковой не являлась. Следствием этого процесса и стало выделение вышесказанного предмета как объекта экономического анализа. Но жизнь человека, как и общества, имеет цельный характер. Отрыв одной из сторон реальности, ее исследование в рамках отдельной науки, а затем возврат к реальности на основе знаний лишь об одной из ее сторон в практически-деятельностном плане не может способствовать гармоничному развитию реальности. Видимо, в этом кроется то, что узко понимаемое поле экономической науки приводит к разработке практических рекомендаций, зачастую не соответствующих природе самой реальности, абсолютизации экономических по сути феноменов, развитию которых стремятся подчинить все разнообразие жизни, которое искусственно, опять-таки, сводится лишь к материальному. В этой связи уместно привести слова С.Н. Булгакова о том, что «материальными сторонами культурной жизни цивилизация не исчерпывается, вернее, они суть лишь условия истинно культурной жизни, т. е. духовной культуры, духовного творчества... Нации, которые, усвоив внешнюю культуру, на ней остановились, не имеют, собственно говоря, еще права на имя культурных государств»²³. Расширению кругозора экономистов служат те прорывные методологические подходы, которые не закливаются лишь на материальной стороне дела, на материальном богатстве.

Одним из веских завоеваний методологической науки стала **теория триад**, согласно которой сегодня наступает качественно новый этап познания человека и мира. До сих пор говорилось и обосновывалось положение о том, что «содержание и границы предметного пространства фундаментальной экономической науки детерминируются проблематикой богатства», а бурный старт индустриализма инициировал изучение проблематики трех

²² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. – М., 2004. – С. 326.

²³ Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 121.

относительно самостоятельных составляющих (форм) богатства – стоимостной, полезностной и социальной»²⁴. Но дальнейшая конкретизация исследования пришла к тому, что стоимостная и полезностная формы богатства составляют экономическое богатство²⁵, а **социальное богатство** предстает как иная, отличная от первого содержательного пространства, плоскость реальности. Тем самым можно констатировать, что, с одной стороны, экономическое и социальное богатства – совершенно разные формы богатства, но существующие в единстве; с другой стороны, указание (выделение) двух форм богатства свидетельствует о незавершенности научной картины реальности, мира в свете методологии триад.

Третьим элементом, третьей формой богатства, которая существует особо, но проявляется и в экономическом, а еще полнее и выразительнее в социальном богатстве, является **духовное богатство**, вне которого мы не могли бы мыслить ни богатства экономического, ни богатства социального. И в этом плане важно понимать, что проблематика исследования социального богатства выступает важнейшим направлением обществоведческого знания, но одновременно только лишь прелюдией, вратами вхождения в **более высокую и более фундаментальную область-основание** – сферу духовного богатства. Принципиальное различие заключается в том, что экономическое и во многом социальное богатство – **внешнее** по отношению к человеку, а духовное богатство – **внутреннее**. Это, во-первых. А во-вторых, и это следствие первого, социальное, а тем более экономическое знание имеют сугубо функциональный характер относительно знания духовного, хотя нам следует всегда помнить, что любое знание – духовный феномен и обозначение сферы знания носит относительный характер, то есть отражает целостность лишь с определенной стороны, в определенном аспекте и в четко очерченных сознанием границах. Задача науки – дать **цельное, целостное знание реальности**, включающей органическое единство материального и духовного мира. При этом познание материального есть прежде всего духовный процесс. На мой взгляд, именно отсутствие духовного знания стало главной причиной того, что «сегодня отсутствует общепринятый мировоззренческий фундамент жизнедеятельности мирового сообщества»²⁶.

Осознание такого подхода сегодня чрезвычайно актуально как в общечеловеческом мировоззренческом плане, так и в более конкретной, специальной области новой научной парадигмы развития человека, общества и природы как единой, целостной гармоничной системы.

Из такого подхода следует, по крайней мере, два вывода фундаментального значения. Первый, более частный, касается того, что решение накопленных к настоящему времени проблем невозможно вне признания актуализации социального богатства. Это проявляется в том, что сегодня решение острейших проблем человека связано с реализацией принципа социальной справедливости в функционировании мирового хозяйства. Не социал-дарвинистский подход, на котором основан реализующийся сценарий неолиберальной глобализации, а социально справедливое распределение ресурсов, прежде всего пищи, медицинского обслуживания и образования, может вывести человечество из глобального кризиса как преддверия скатывания в небытие. С одной стороны, известно, что того, что производится сегодня, при справедливом распределении достаточно для решения острейших общечеловеческих проблем и обеспечения надлежащего уровня жизни всему населению Земли. С другой стороны, стало очевидно, что продолжение движения по нынешней траектории ведет человеческое сообщество к гибели.

Второй вывод сводится к тому, что современная картина мира, основанная на механико-материалистическом мировоззрении, **не может** многое объяснить и **предложить выход** из ускоренно отрицательно обостряющейся ситуации, складывающейся в реальности.

²⁴ Тарасевич В.Н. Очерки теории переходной экономики. – К., 2001. – С. 38, 39.

²⁵ См. табл. 1 в кн. Тарасевич В.Н. Очерки теории переходной экономики. – К., 2001. – С. 50.

²⁶ Кизима В. Культурологія і сучасна методологія гуманітарного пізнання // Вісник НАН України, 2001, № 5. – С. 17.

Относительно экономической науки можно согласиться с Дж. Соросом в том, что «и неомарксизм, и неоконсерватизм, и рыночный фундаментализм страдают одним и тем же пороком: они опираются на науку XIX столетия, для которой характерно детерминистское видение мира... Однако после XIX столетия наука ушла далеко вперед»²⁷. Прав С. Гроф, что «невозможно облегчить глобальный кризис при помощи применения тех стратегий, которые коренятся в той же самой идеологии, которая его породила. При тщательном рассмотрении оказывается, что наше **нынешнее гибельное положение по природе своей духовно-психическое**, ибо оно отражает уровень эволюции сознания человеческого вида. Именно поэтому трудно представить, что проблема могла бы быть разрешена **без коренного внутреннего преобразования человечества** в широком масштабе, а конкретно без его восхождения на более высокий уровень эмоциональной зрелости и **духовного осознания**»²⁸ (выделено мной – Г.З.). Оставаясь в формате привычного нам мировоззрения, хотя и добавляя в нем столь модный теперь термин «синергетика»²⁹, мы ищем выход не там, где он может быть найден.

Нам следует осознать слова П. Рассела, что «необходима принципиально новая модель реальности, в которой **сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть – еще более фундаментальным**»³⁰ (выделено мной – Г.З.).

На мой взгляд, исходным в понимании этого положения является осознание того, что именно человек, каждый отдельный человек выступает тем духовно-энергетическим центром-основанием, который практически должен реализовывать принцип: мысль должна идти впереди действия, действие не должно опережать мысль. Этот принцип первостепенно важен потому, что современный мир уже стал **миром необратимости**, а «необратимым нечто может быть лишь в человеке. Нужны индивидуальные точки необратимости, и важно, сколько таких «точек», в противодействие которым упирался бы любой обратный процесс распада и разрушения. По ним и выведется *тот или иной интеграл*. Вера в человека только это и означает. Можно верить и полагаться лишь на верящего человека, способного, веря, самого себя переделывать и совершенствовать. В своей точке, независимо от того или иного социального механизма. Ибо нет и не может быть никакого социального механизма, даже самого изощренного и совершенного, который мог бы обойти разрешающие индивидуальные точки: результаты самой усложненной системы все равно устанавливаются

²⁷ Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. – М., 2004. – С. 186.

²⁸ Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания. – М., 2004. – С. 194-195.

²⁹ Интересно, что те принципы, которые получили название синергетики в работах И. Пригожина, были в начале XX века более глубоко исследованы и описаны В.И. Вернадским. Как пишет академик РАН К. Симаков, «действительно, книга И. Пригожина и И. Стенгерс («Порядок из хаоса» – Г. З.) завораживает читателя широтой охвата материала, смелостью и оригинальностью мысли, математической строгостью доказательств. Однако впечатление о принципиальной новизне выдвигаемых авторами представлений о времени может сложиться только у читателя, незнакомого с работами В.И. Вернадского, посвященным проблеме пространства-времени. По сути дела, в них на полвека раньше были изложены аналогичные, и даже более глубокие, представления о пространстве-времени, оставшиеся, очевидно, неизвестными Пригожину и Стенгерс из-за «вето», наложенного на эти труды апологетами нашей официальной философии. Между тем Вернадский не только предвосхитил выводы авторов нового диалога человека с Природой, касающиеся проблем времени, но и превзошел их, в корне изменив существовавшие ранее представления не только о времени, а о *едином неразделимом пространстве-времени*. С этих позиций «переоткрытие времени» выступает лишь как *частное эмпирическое подтверждение* более широкой концепции Вернадского» (Симаков К. К генеалогии реляционно-генетической концепции времени // Свободная мысль-XXI, 2003, № 4. – С. 108).

³⁰ Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания: Трансатлантический диалог. – М., 2004. – С. 59.

по уровню их разрешающей способности. Таковы минимальные задачи индивидуальной метафизики»³¹.

Узость взгляда экономиста-исследователя стала его оковами. В силу этого он не может и не хочет «вылезать» из своего «экономического (материального) окопа». Ему кажется, что за пределами этого окопа везде находится один идеализм. На самом деле это вовсе не так.

Проблематика социальной экономики открывает перед экономистом возможность более широко, во многом непривычно посмотреть на человека и мир, выйти из засасывающей трясины жесткой и жестокой экономической сферы, оценить то, что в ней происходит по совершенно иным критериям, которые больше подходят к объяснению реальности.

Формированию нового взгляда на реальность могут способствовать результаты последних научных исследований в области межперсональной психологии, таналогии, а также современной физики.

Более чем 40-летние исследования С. Грофа и его коллег: а) экспериментально доказали, что сознание не сводится ни к одному из названных фундаментальных оснований реальности; б) иллюстрируют «неадекватность и непригодность нынешнего научного понимания сознания и человеческого разума»³²; в) предлагают новые средства для преодоления нынешнего глобального кризиса, основываясь на положении о том, что «наше нынешнее гибельное положение по природе своей духовно-психическое».

Новая картография психики, созданная С. Грофом, включает две дополнительные области: **околородовую** (связанную с травмой рождения) и **надличностную** (охватывающую все виды наследственной, расовой, коллективной и психогенетической памяти, кармические переживания и архетипические движущие силы) и ставит совершенно по-новому проблему экономического развития человека и общества. Новизна проблемы вытекает из того, что, как доказано С. Грофом, то, как протекает дородовый и послеродовый периоды и сами роды «оказывает глубокое влияние на эмоциональную и общественную жизнь индивида и имеет важные последствия для будущего всего общества. Это закладывает основу для любящих и альтруистических отношений с окружающими людьми или, наоборот, основания для недоверия и захватнической установки по отношению к обществу. Это же может оказаться решающим в предопределении того, будет ли данный индивид способен справляться с превратностями судьбы созидательным образом или же будет стремиться убежать от трудностей существования через алкоголь или наркотики»³³.

Дородовый период пока мало принимается во внимание специалистами генетики поведения, на что указал в своей последней монографии Ф. Фукуяма. Говоря о сильной корреляции в поведении идентичных близнецов, но воспитанных у разных родителей или в разных социально-экономических средах, Ф. Фукуяма акцентирует внимание на том, что главная проблема в определении *иной среды*. «Во многих случаях у разлученных близнецов сохраняется много общих внешних обстоятельств, и невозможно разделить естественное и культурное влияние. Среди «общих обстоятельств», которые специалисты по генетике поведения могут *упускать из виду*, можно назвать *чрево матери*, оказывающее сильнейшее влияние на процесс превращения генотипа в фенотип, или в человека»³⁴ (выделено мной – Г.З.).

Изучение надличностных переживаний как особой сферы жизнедеятельности человека, по словам С. Грофа, вдребезги разбивает основополагающие метафизические предпосылки материалистического мировоззрения и ньютоно-картезианской парадигмы. «Любое непредвзятое изучение надличностной области психики непременно подтверждает то, что феномены, с которыми здесь сталкиваются, представляют собою решительное опровержение

³¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990. – С. 190.

³² Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания: Трансатлантический диалог. – М., 2004. – С. 56.

³³ Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. – М., 2003. – С. 148.

³⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., 2004. – С. 38.

не только психиатрии и психологии, но и всей западной философии в целом»³⁵. Надличностные состояния (переживания) свидетельствуют о том, что человек имеет возможность глубокого индивидуального самоосвоения, которое не может быть объяснено просто как внутриспсихические явления в общепринятом смысле. С другой стороны, надличностные переживания «прямо, без посредства наших органов чувств, подключаются к источникам сведений, которые, несомненно, располагаются далеко за пределами того, что, как общепризнанно, могло бы быть доступно для данного индивида. Где-то на околородовом уровне психики, по всей видимости, происходит странное переключение: то, что было до этого момента глубоким внутриспсихическим зондированием, превращается в сверхчувственное переживание различных сторон мира в целом»³⁶. Отсюда следуют важнейшие выводы о том, что, во-первых, сведения о мире человек получает двумя совершенно различными путями: **научением** посредством восприятия, анализа и синтеза, а также **прямым отождествлением** с разными сторонами мира в необычных состояниях сознания, которое осуществляется посредством надличностных переживаний, столь достоверно отражающих материальный мир. Наблюдения таких переживаний подтверждают гипотезу К.Г. Юнга, что помимо фрейдовского индивидуального бессознательного, человек может получить доступ к коллективному бессознательному, содержащему в себе культурное наследие всего человечества.

Сегодня экспериментально доказано, что «само существование и природа надличностных переживаний попирают некоторые самые основные исходные положения механистической науки. Они предполагают такие на первый взгляд нелепые представления, как относительная и произвольная природа всех физических границ, нелокальные связи во Вселенной, сообщение неведомыми средствами и путями, память без материальной подкладки, нелинейность времени и то, что живые организмы и даже неорганическая материя проявляют свойства сознания. Многие надличностные переживания вовлекают события из микрокосма и макрокосма, сфер, обычно не достижимых невооруженными органами чувств человека, или исторических периодов, предшествующих происхождению Солнечной системы, образованию нашей планеты, появлению живых организмов, развитию нервной системы и появлению человека разумного»³⁷. Тем самым есть основание утверждать, что **каждый человек несет в себе сведения обо всем мире** и обладает возможным в переживании доступом ко всем его частям, «каждый из нас в некотором смысле является всей космической сетью, хотя мы является только ее микроскопической частью, лишь отдельным и не значимым биологическим существом. Новая картография трансперсональной парадигмы отражает это обстоятельство и изображает индивидуальную человеческую психику как соразмерную в своем существе со всем космосом и всей полнотой сущего. И насколько бы нелепой и неприемлемой ни показалась эта идея ученому, вышколенному в соответствии со своими традициями, а также нашему здравому смыслу, все же, быть может, ее гораздо легче примирить с теми новыми революционными разработками в различных научных дисциплинах, о которых обычно говорят как о «новой парадигме»³⁸.

Если эти выводы транслировать в сферу экономики, то совершенно ясной становится недостаточность в ее исследовании только материалистической парадигмы и материалистической ориентации хозяйственной деятельности человека. Открывается исходная, изначальная необходимость ее социальной направленности, ибо, с одной стороны, не может быть нормально протекающих родового и послеродового периодов в условиях бедности и нищеты, переживаний по поводу завтрашней возможной потери работы и постоянной заботы о хлебе насущном. Экономика, основанная на жесткой конкуренции, выживании сильных, ориентированная на достижение успеха и обогащения любой ценой,

³⁵ Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания. – М., 2004. – С. 36-37.

³⁶ Там же. – С. 39.

³⁷ Там же. – С. 41.

³⁸ Там же. – С. 41-42.

есть **уродливая экономика**, которая уродует не только общество и живущих людей-роботов, стремящихся к призрачному богатству, но она **уродует будущее** через передачу в родовый период тревог, напряжений, горечи существования еще не родившемуся человеку. Она **бездумно сеет зерна, плоды которых не принесут добра человечеству**. С другой стороны, современный уровень традиционного научного познания не позволяет глубоко и всесторонне использовать человеческий потенциал, вовсе не сводимый только к знанию и опыту, как это преподносит материалистически направленная наука. Речь идет о том, что **более значимой** как для физического выживания и самосовершенствования, так и для «строительства» более гармоничных отношений между людьми, а также между человеком и природой является **духовная сфера**, питающая живительными источниками человека, придающая смысл и значимость человеческому существованию. Возможности обеспечения гармоничности, полного использования мегакультурной информации заложены в каждом человеке, но человек должен сознательно создавать условия для использования этих возможностей, прежде всего через познание самого себя как микрокосма в макрокосме.

В этом плане нам пора осознать, что **только социальная экономика**, основанная на **доверии, справедливости, сотрудничестве и взаимопомощи, толерантности**, имеет не только право на существование, но и **необходима** с точки зрения благополучия как в настоящем, так и в будущем. Именно социальная экономика, а не жестко конкурентная, основанная на господстве сильных, имманентна тем импульсам, которые исходят из духовного мира человека, отражает истинную природу человека. Переход к социальной экономике должен стать **современным экономическим императивом**, который следует **осознать** и который должен затем **осознанно реализовываться каждым человеком**.

Теперь посмотрим на рассматриваемую проблему глазами современной физики. Важнейшим научным достижением в физике является открытие **спин-торсионных полей** и выявление их свойств. Кратко их свойства сводятся к следующему: для спин-торсионных полей существенно наличие информационных характеристик при отсутствии энергетических; информация передается на большие расстояния без уловимых затрат энергии со скоростью, превышающей скорость света в 10^9 раз; торсионные взаимодействия не имеют преград и не сопровождаются ростом энтропии; источниками спин-торсионных полей служат объекты как живой, так и неживой природы, как твердые тела, так и человек; эти поля могут вызывать энергетические возмущения, т. е. стимулировать энергетические процессы в веществе; в них отсутствует «стрела времени»: прошлое, настоящее и будущее существуют как бы синхронно и др. Анализ свойств спин-торсионных полей с точки зрения современных проблем сознания позволил прийти к выводу, что в основе механизмов сознания должны лежать информационные процессы. Отсюда возникает большая вероятность того, что **сознание** может быть понято на **полевом информационном уровне**, а дальнейшие исследования спин-торсионных полей позволят установить, что эффект мыследеятельности связан с воздействием торсионного поля как пятого типа фундаментальных взаимодействий. Этот тип является, скорее всего, **базовым** по отношению ко всем остальным фундаментальным взаимодействиям – гравитационным, электромагнитным и ядерным, как сильным, так и слабым³⁹.

Открытие спин-торсионной информации позволяет по-новому осмыслить (и подтвердить) то, о чем писал Норберт Винер, размышляя о теле как далеко не консервативной системе. «Мы начинаем понимать, что такие важные элементы, как нейроны – атомы нервной системы нашего тела, – совершают свою работу примерно при таких же условиях, как электронные лампы, получая свою сравнительно небольшую энергию извне от кровообращения, и что **энергия не является основным фактором при учете их работы**»⁴⁰.

Если **общество** представляет собой совокупность **информационно-энергетических связей**, которые реализуются через индивидуальное сознание, но подключенное к

³⁹ Лесков В.Л. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. – М., 2003.

⁴⁰ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине // Информационное общество, - М., 2004. – С. 119.

культурной памяти Вселенной, то оно живет и развивается тогда, когда происходит наращивание этих связей, а не их распад. В социальном смысле это значит, что выработанные историей культурные механизмы направлены на **объединение** нации, народа. Они должны *господствовать* в общественных отношениях, т. е. для развития человеческого общества **фундаментально необходимо развитие духовных оснований жизнедеятельности человека**. Эти основания зарождаются и проявляются прежде всего через **сознание человека**. Поэтому «выпадение» из поля культуры хотя бы одного человека губительно для самой культуры. Оно сопровождается усилением хаоса, распадом информационно-энергетических связей, что вызывает тенденцию к **деградации** общества.

Сегодня в силу агрессивно навязываемой людям потребительско-гедонистического отношения к жизни наблюдается **разрыв** общественных отношений, ибо приветствуются только те связи, которые позволяют достигать сиюминутного комфорта. Сопротивление такому сценарию уже нарастает. Может быть, это происходит посредством позитивно заряженной торсионной информации, которая «подсказывает» миллионам людей, что не во внешнем насилии через идеологии и организованные религии, а во **внутреннем самосовершенствовании** на основе самосознания себя и мира заключается выход из глобального кризисного состояния человечества. Осознание себя как микрокосма в макрокосмосе является тем путем, который неизбежно приведет к качественно новому состоянию информационно-энергетических связей, работающему на общее благо и предотвращающему нарастание хаоса. Через возрастание количества **самосознающих личностей** человечество придет к качественному самообновлению, т. е. **сознание, духовная сфера** жизнедеятельности **объективно актуализируется** и становится **определяющим** основанием дальнейшего развития человека, общества и природы.

Социальная экономия как интегратор цельного знания

Все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы – это результат развития знания, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, которые неизбежно сопутствуют революции
Павел Гуревич

Находясь среди воюющих друг с другом узких специалистов, погруженных в пучину фрагментарных данных и тщательного, ничего не упускающего анализа, мы должны признать, что синтез в этой ситуации не просто полезен, - на самом деле ему принадлежит решающая роль
Элвин Тоффлер

Сегодня экономическая теория является односторонней наукой: все ее категории и законы основаны на рыночной парадигме, которая, в свою очередь, базируется на категории конкуренции (беспоощадной борьбы). На самом же деле экономическая реальность полностью не описывается терминологией рыночных отношений. В экономической, а шире – хозяйственной реальности в противоположность конкуренции существует очень широкий спектр явлений и процессов, которые основаны на сотрудничестве. Более того, заключительная фаза рыночных отношений – арена встречи производителя и потребителя представляет собой именно поле сотрудничества, согласования интересов. Не признавать и не учитывать феномена сотрудничества и основанных на нем хозяйственных процессов – это не только не отражать реальности, но и наносить ей вред, ибо изначально психологически настраивать хозяйственных субъектов в их решениях и действиях на сугубо конкурентные отношения, на борьбу, успех и победу жесткими методами подавления и господства.

Экономическая наука должна вырабатывать гештальт⁴¹ экономической реальности. Но односторонний подход – рыночный, заложенный изначально в научные исследования и экономическое образование, не может обеспечить ни качества, ни всесторонности результата. Непонимание этого ведет экономическую науку, а вслед и экономическое образование, к вырождению, к тому, что она все больше и больше отрывается от реальности, перемещается в мир пустых, зрящих абстракций, заменяет реальность информационными шумами, в которых уже начали жить многие экономисты-исследователи и которые преподаются экономистам-студентам как некая экономическая данность.

Становление социальной экономики и как науки, и как реальности следует рассматривать не просто как чье-то субъективное желание, но как развитие культуры, прежде всего как идеальной формы, имеющей актуальное практическое значение. Здесь важно указать на два взаимосвязанных, а поэтому не всегда различаемых момента. Первый состоит в том, что с точки зрения отдельного человека социальная экономика реально существует и человек в той или иной мере «входит» в нее после своего рождения. В этом плане она сродни всему тому, что человек воспринимает как природное, как то, что «дано» ему естественным образом. Проводя некоторую параллель, здесь уместно привести высказывание С.Г. Кара-Мурзы об институте (вузе) как минимальном стандарте высшего образования во время Советского Союза. Он, обобщая этот минимальный образовательный стандарт, пишет, что окончание вуза стало очень важной установкой, которая «овладела сознанием части послевоенного поколения – представление о том, что общественные институты, служащие для подростка опорой и ступенями в будущее, являются, как и пища или отопление, частью природных условий. Это нечто данное нам автоматически, а не творение нашего общества и нашей культуры, построенное с огромными усилиями и даже жертвами, творение хрупкое, которое может исчезнуть по нашей вине, даже просто из-за нашего непонимания... Это творение наверняка исчезнет просто оттого, что мы не будем его *ценить*, не замечая той руки, которая строила для нас эти ступени и помогает по ним карабкаться»⁴². Точно так же и социальная экономика многим предстала как природное условие. Но после перестройки и шоковых «рыночных» реформ, приведших страну к глубочайшему кризису в мирное время, многие осознали, что произошло невидимое в истории циничное наступление на социальные завоевания, развал социальной сферы, резчайшее падение уровня и качества жизни подавляющей части населения, которое неуклонно уменьшается в численности. Возражения некоторых профессоров о том, что, дескать, вся экономика социальна, свидетельствует лишь о духовном кризисе внутри научного сообщества экономистов, которым следовало бы в первую очередь глубоко и всесторонне изучить теоретические основы хозяйственной жизни, а затем уже предлагать варианты и сценарии экономических реформ.

Второй аспект, на котором следует акцентировать внимание, состоит в том, что социальная экономика все же должна осознаваться как культура, как «приглашающая сила, не столько оболочка, сколько вызов, а субъект для нее есть вероятность, желаемость и ожидаемость. Она захватывает человека, но может и оттолкнуть. Вызов состоит в том, что между идеальной и реальной формами есть разность потенциалов. Если субъект принимает вызов, то может случиться акт, событие развития. При этом акте субъект овладевает идеальной формой, присваивает ее себе или превосходит ее. Она становится его собственной субъективной реальной формой. Последняя, в свою очередь, может и должна быть способной к порождению новых форм (в пределе памятников человеческого духа), которые входят в «тело» идеальной формы»⁴³. Но понимания этого нельзя достигнуть, находясь в рамках подхода, согласно которому объективность эквивалента материальности. Понимание возможно лишь тогда, когда будет снято противопоставление объективного и субъективного.

⁴¹ Гештальт (нем. Gestalt) – целостная форма, целостный образ.

⁴² Кара-Мурза С.Г. потерянный разум. – М., 2005. – С. 450-451.

⁴³ Зинченко В.П. Посох Мандалыштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997. – С. 20.

Здесь важно понимать, что речь не идет о том, чтобы экономисты отождествили себя с психологами и медиками и экспериментально доказывали положения, к примеру, трансперсональной психологии или таналогии.

Дело в другом: исследование экономической, хозяйственной системы, ее развития, обоснование практических рекомендаций уже невозможно без расширения горизонта видения познанными положениями из других наук. Экономисты должны всецело использовать знания, которые наработаны другими науками о человеке и его деятельности. Это позволит не только более глубоко и всесторонне отражать мир хозяйства, но и более обоснованно и ответственно разрабатывать методологические основания анализа хозяйственной жизни, определять стратегию социально-экономического развития и предлагать конкретные сценарии ее практического воплощения. При этом особо следует акцентировать внимание на том, что ориентация лишь на материальные аспекты жизнедеятельности не только принижает и ограничивает роль человека и его сознания, но и становится главной угрозой как человеческому сообществу, так и природе как среде обитания человека. Развитие может быть гармоничным, если в нем господствует духовность, а не один лишь материально-денежный интерес. Именно ориентация на последний, игнорирование сознания и духовных оснований хозяйствования привели к нынешнему глобальному поликризису. И не видеть, не понимать этого – не просто заблуждение, но преступление перед человеком и природой вне зависимости от того, какой пост занимает принимающий решения человек.

Социальная экономия знаменует собой качественный скачок в экономическом знании. Ее изучение призвано обеспечить кардинальный переход интереса с физической, материальной стороны производства, которая остается актуальной для обеспечения биологического выживания, на психическую, сознательную, разумную сторону человеческой деятельности, что неизменно приведет к открытию и познанию духовной основы как главной причины совершенствования экономических отношений и всей хозяйственной жизни.

Социальная экономия расширяет поле исследований через перенос энергии, сдвиг поля действия из одного (материального) в иное (духовное). Это второе поле является альтернативой первому, но его постижение обязательно будет служить качественным изменениям в первом поле. Если в первом поле вызовы приходят извне через механизм конкуренции и успеха, то во втором поле вызовы исходят *изнутри* человека, направляются на обеспечение гармонии. Ответом на эти вызовы становится внутренняя самодетерминация. Это перемещение поля действия связано с ростом и он происходит именно посредством сдвигов в полях действия, через перенос энергии.

Здесь самое замечательное, но пока научно не объяснимое, состоит в том, что всплеск внутренней энергии всегда сопровождается ее выплеском наружу, даже когда само действие направлено внутрь. Действие на внутреннем поле оказывается решающим для роста и развития, для борьбы с внешним. Но тенденция в истории человечества свидетельствует о том, что влияние действия на внешнее поле постепенно снижается и наступают периоды разрыва (кризиса), когда кажется, что внешнее захватывает и внутреннее, но именно в этот период внутреннее как бы оживает, получает внешний импульс из более тонкой внутренней сферы и опять происходит выплеск его во внешнее.

Однако этот механизм роста и развития пока мало осознан, а в традиционном видении он вообще ассоциируется с тем, что рост обеспечивается исключительно действиями внешнего поля. Именно такая картина, такой подход сегодня господствует в экономической теории и почти во всей обществоведческой литературе. В методологическом плане он основан на анализе примитивных обществ, и принцип этого анализа бездумно перенесен на современное общество или цивилизации. Но если главная особенность примитивных обществ состоит в их статичном состоянии, то современные общества отнюдь не статичны, а весьма динамичны. Можно ли их исследовать так, как анализируются примитивные общества? Ответ очевиден. Но все же научный анализ до сих пор использует ту же методологию и методику, что и для анализа статичных обществ. В экономической теории это

выражается в том, что акцент делается на состоянии *равновесия* и именно из такого состояния выводятся все ее основные положения. Это одна из главных причин современного кризиса экономической теории, а поэтому метод переноса поля действия должен стать одним из методологических оснований исследования современной хозяйственной реальности. Необходимость широкого его применения в анализе общества обосновывал А. Дж. Тойнби. Он писал: «Подобный перенос поля действия обнаруживается и в истории цивилизаций. Когда серия ответов на вызовы стимулирует рост, можно видеть, что по мере роста поле действия сдвигается, перемещаясь из внешнего окружения во внутреннюю социальную систему растущего общества»⁴⁴.

Из практики использования этого метода в анализе общества можно утверждать, что циклическое повторение вызовов следует рассматривать как процесс возникновения «новых» вызовов, ибо новые вызовы – это версии старых, которые получили ответ во внешнем поле, но преобразованные, обращаются к внутренним сферам жизни. И если этот преобразованный вызов не находит ответа во внутреннем поле, следует надлом, а затем распад и гибель общества.

В этом плане мне представляется чрезвычайно важным определить *основные теоретические постулаты социальной экономики*, помня о том, что она изучает человеческий срез экономической деятельности, что отражает хозяйствование как нравственно основанную и сознательно ориентированную деятельность человека. Социальная экономика «вмещает именно тот реальный мир, в котором человек находится на протяжении своей жизни»⁴⁵ и изучает «законы и закономерности «гражданского сотрудничества», достижения «социального консенсуса», поиска «социального компромисса» с целью достижения «всеобщего благосостояния» в нашем сложном и противоречивом мире»⁴⁶.

Основными постулатами социальной экономики, на мой взгляд, являются следующие.

Во-первых, **масштаб измерения** в предметном поле социальной экономики соотносится с человеком как социализированной индивидуальностью, способной к творчеству и социальной ответственности.

Во-вторых, **целью** социальной экономики выступает развитие человека посредством развития его сознания через напряженную критическую мыследеятельность, основанную на постоянном качественном образовании.

В-третьих, **субъектом** социальной экономики является человек хозяйствующий, целостно преобразовывающий себя и свою среду обитания на нравственных основаниях, определяемых совестью как первопричиной процесса сознательной жизнедеятельности.

В-четвертых, **средство** социальной экономики - устойчивое хозяйственное развитие, не допускающее катастрофических сценариев, основанное на принципе коэволюции человека, общества и Природы.

В-пятых, **механизмом** (инструментом) социальной экономики является социальное партнерство как добровольно-сознательное совместно-разделенное участие в развитии равноправных хозяйствующих субъектов посредством объединения своих интеллектуально-духовных, финансовых, материальных, трудовых и прочих ресурсов.

Социальная экономия – это лишь промежуточный этап развития знания, через который должно пройти осознание той стороны (аспекта) реальности, которая обеспечивает физическое выживание и безопасность. Но такое осознание уже нечто большее, нежели становление приоритетности социальности в экономике, экономической сфере. Здесь важно понимать, что социальное выше и значимее экономического, но все же оно остается «внешним» самому человеку. *Социальное* есть во многом *проявление внутреннего во внешнем*. Но специфика сегодня состоит в том, что это социальное как внешнее «давит» внутреннее, загоняет его в определенные извне навязанные рамки, не дает внутреннему

⁴⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – С. 251.

⁴⁵ Еременко В. О науке и курсе «Социальной экономики» // Экономика Украины, 1996, № 5. – С. 55.

⁴⁶ Там же. – С. 56.

перейти на более высокий уровень осознания, а вместе с тем стать над социальным, сделать его преходящим элементом в актуальной структуре человеческой деятельности.

Самой актуальной задачей сегодня является **выведение человека из потока личностной деградации**. Основным путем ее решения видится путь социализации через внутренний мир человека, через самосознание им своих сил, способностей, энергий как органичной частички космоса, который создан Высшим разумом. Только через самопознание и самосовершенствование, которые являются процессом сознания и мыследеятельности самого человека, возможна такая социализация, которая не направлена на потребительство и накопление частного богатства. Благополучие человека и человечества, их развитие, а не гибель, связано с **иным понимаем картины реальности**, где мир физики и мир сознания (психологии) объединены. Осознать это (оно не укладывается в господствующее сегодня научное, а тем более обыденное мировоззрение!) необходимо с тем, чтобы более реально понимать мир и действовать в нем по-иному.

Экономист должен принимать решения на основании целостного знания, а не тех специальных знаний, которые в искаженном виде представляют реальность. Поэтому следует в число обязательных учебных дисциплин включить социальную экономию как науку, интегрирующую экономические знания и представляющую собой исследования в научной области постнеклассического экономического знания; ознакомительные мировоззренческие курсы по современной физике, биологии и межперсональной психологии, валеологии и хозяйственной этике. Если физика, биология и хозяйственная этика дадут более полное знание о внешнем мире, то психология и валеология будут способствовать познанию самого себя, а также процессам самореализации как во внутреннем, духовном, так и во внешнем – материальном и социальном мире.

Экономист - выпускник университета должен обладать не знаниями, а знани**ЕМ**, цельным, целостным, ибо только оно может привить будущему специалисту необходимость и потребность размышлять, получать новые знания, развивать не просто интеллект, а стремиться к обретению разума и мудрости, которые становятся главным инструментом противостояния стремительно усложняющимся рискам.

Поступила в редколлегию 17.05.2005 г.

© Г.В. Задорожный, 2005.